
Владимир ПЕРЦЕВ

РАССКАЗЫ

ОСТРОВ ЛЮДОЕДОВ

Иван с детства мечтал пожить на необитаемом острове где-нибудь в Тихом океане. И вот мечта осуществилась.

Пока они с Франсуа мчались на катере сквозь океан и солнце нещадно жгло их спины, француз непрестанно шутил.

— Вообще, это остров людоедов, — сообщил он как бы между прочим. — К нему и теперь нет-нет да причалит пирога с туарегами, не вполне отказавшимися от человечины. На острове они устраивают свои кровавые пиршества.

— Да ладно.

— Я тебе говорю. Можешь не верить, конечно... В этих местах то и дело пропадают люди: рыбаки, вышедшие на лов тунца, туристы... Я не запугиваю, просто имей в виду.

И вот на пятый день одинокого пребывания на острове Иван наткнулся на человеческий череп. Роясь в мусорных наносах под штормовым валом в поисках чего-нибудь полезного, что могло бы пригодиться в отшельнической жизни, он нашел и выкатил на коралловый песок эту страшную штуку, желтую костяную коробку, принадлежавшую когда-то человеку — аборигену или европейцу. Он покатал череп ногой по песку и, не зная, что с ним делать, запнул обратно в мусорные кучи. А еще через пару дней пожаловали и туареги.

В смутной тревоге Иван наблюдал, как подошла их низко сидящая в воде пирога, как она мягко ткнулась в песок. Выскочивший курчавый абориген подтащил ее за веревку. Их было двое. Два темных туземца в плавках и шлепках. Два крепких парня лет тридцати с выбритыми подмышками. У одного в широком носу болталось металлическое кольцо. Оба белозубо улыбались. Помахали издали и что-то прокричали на своем наречии. Иван вяло махнул в ответ.

Было непонятно, откуда они приплыли, ближайшие острова расположены в ста пятидесяти милях к северо-западу. Большая часть жителей этих островов ведет оседлый образ жизни, лишь некоторые переезжают с острова на остров. Последние ищут малонаселенные или и вовсе безлюдные острова, строят там хижины, разбирают огороды, заводят скотину. А когда козы съедают всю траву и обдирают все кустарники или когда очередной тропический циклон выкорчевывает и смывает все насаждения и постройки, перебираются на другое место. Однако никаких следов пребывания переселенцев на острове за эти дни Иван не обнаружил.

Владимир Юрьевич Перцев родился в 1963 году в городе Гаврилов-Ям Ярославской области. Окончил Ярославское художественное училище. Поэт, прозаик. Член Союза российских писателей. Лауреат нескольких международных литературных конкурсов. Публиковался в журналах «Юность», «Континент», «Плавучий мост», «Нева», «День и ночь», «Балтика» и др. Автор пяти книг, член Союза российских писателей. Живет в Ярославле,

Он то и дело выходил на берег посмотреть, что там делают незваные гости. Пока солнце стояло в зените, их не было видно. Скорее всего, они просто валялись под ближайшей пальмой и пили кокосовую воду. Но когда дело пошло к вечеру, вернулись. Один сидел в лодке и что-то плел из принесенных с собой пальмовых листьев. Другой лежал на дне, свесив за борт смуглую руку. Иван вытащил раскладной стульчик на берег и сел у кромки прибоя, чтобы оба были у него на виду.

Подувал слабый ветерок, волны набегали, сворачиваясь блинами и мягко шлепаясь на серый коралловый песок. Любопытные крачки слетелись к тому месту, где сидел Иван, расхаживали на некотором отдалении и орали. Иван сидел, накрывшись шляпой, сплетенной из листьев кокосовой пальмы, которую купил на рынке в Паппете. Его бежевые шорты под тропическим солнцем стали белыми. Он скинул было шлепки, но раскаленный песок обжигал ступни, и шлепки пришлось надеть.

Так часа два он то сидел на стульчике, то бродил у кромки прибоя, наблюдая, как гаснет перламутровый песок и как удирают мелкие крабики вслед за отступившей волной, краем глаза настроженно следя за пирогой. Кто их знает, этих туземцев, может, они вообще вегетарианцы, а может, гарнир готовят для основного блюда, которое медленно запекается на раскладном стульчике на берегу океана. С виду — мирные, улыбаются. Но череп-то откуда-то взялся, однако.

Весь распорядок, к которому Иван успел привыкнуть за эти дни, нарушился. Боясь оставить без присмотра место своего обиталища, он не сходил к лагуне и не наловил рыбы. Насобирав только с десяток кокосов и пару спелых папай.

Уже в сумерках развел костерок и знаками пригласил незваных гостей разделить трапезу. Но они, так же знаками, отказались, как то двусмысленно улыбаясь и глядя на него, как сытые коты на мышь.

Иван заварил себе вермишель быстрого приготовления и проковырял пару кокосов. Когда солнце село и он перестал различать в темноте пирогу, почувствовал себя очень неудобно. Всю ночь не сомкнул глаз, поддерживал огонь и прислушивался, держа наготове топорик. Над ним сухо шелестел пальмовый вихор, и шумели на берегу валы прибоя. Но Ивану все время казалось, что ухо различает еще какой-то подозрительный шелест в кустах. Тогда он вскакивал, становился спиной к костру и до боли в затылке всматривался в темноту.

Выходил к океану. Но океан ночью страшен. Беспредельное черное пространство, вспыхивающее валами пены вдоль мерцающей береговой кромки. Крохотный плоский островок, всего на несколько метров возвышается над поверхностью океана. Налетевший циклон может перекатить через него многометровые валы и в минуту смыть все живое. Еще страшнее — ночное небо, гигантская полусфера черноты, густо, как крупной солью, усыпанная звездами, жуткая неизмеримая бездна, наводящая ужас.

В какой-то момент Иван все же задремал у костра и тут же подскочил, как ужаленный. Чуткое ухо различило шуршание легких шагов и осторожное потрескивание сухих стебельков под ступней. Он вскочил и долго напряженно всматривался во тьму, до боли сжимая в руках рукоятку топорика. Звук повторился. Отчетливо слышалось тихое шуршание. Ближе, ближе. Костер почти догорел, тихо постреливая в ночное небо редкими искорками. В ужасе Иван схватил тлеющую ветку и стал ей размахивать. Ветка вспыхнула, ярко осветив песок под ногами. Он сделал несколько отчаянных шагов навстречу звукам. Оказалось, это пальмовый вор. Он поспешно боком удирал по песку из трепещущего пятна света, выставив клешни.

Наутро Иван обнаружил, что туареги исчезли. На сыром песке осталась борозда от днища пироги, свежие следы босых человеческих ног и... бутылка красного вина. Туземцы расплатились за ночлег.

ВОСПОМИНАЯ О ПУШКИНЕ

Захожу раз в «Виноманию», посмотреть, чем себя люди балуют. Хожу с рассеянным видом, люблюсь этикетками, бутылочки стараюсь не трогать, хотя руки чешутся, но воздерживаюсь. За мной, куда я, туда и он, неотступно ходит здоровенный мужик в белой рубашке, доглядывает. Они все в таких заведениях подозрительные, но этот прямо с меня глаз не сводит, как-то знает, сволочь, что я без денег, хотя вид у меня вроде бы вполне презентабельный: троечка серая светлая, галстук с булавкой, ботиночки. Но что-то меня выдает, должно быть — лишний градус интеллигентности. Самоуверенности во мне, должно быть не хватает, наглости хозяина жизни, который уж если сам и заскочил в эту «Виноманию», то ходить, выбирать не будет, а ринется прямо туда, куда надо, пальцем ткнет, мол, заверни, любезный. А этот, в белой рубашке, и рад стараться, точно он его озолотил.

Так вот, хожу, люблюсь, всем видом показываю, что знаток, что вот сейчас выберу, что приличествует этому времени года, часу и погоде, и с улыбочкой спокойного платежеспособного человека пойду к кассе. И вдруг заходит Пушкин. Кроме шуток, сам Александр Сергеевич. Во фраке, в цилиндре, в щегольских ботиночках и с тросточкой. Даже и не заходит, а забегает, бодро так, ботиночками по плиточным полам пощелкивает. Но вид озабоченный, может быть, уже немного и того, самую малость. Пробежался, тросточкой махнул и к шампанским. Тут призадумался. Кассирша так на него и вытаращилась, когда мимо пробежал. А этот, в белой рубашке, сразу на него прицел положил. Встал за спиной, пыхтит. Пушкин на него глянул и говорит:

— А что, любезный, чай, хозяин твой поверит мне пару-тройку шампанского?

— Шо? — растерялся здоровяк.

— Видишь ли, не при деньгах я, любезный, а душа горит, спасу нет.

Мужик онемел, сказать ничего не может. Да и что скажешь, когда сам Пушкин. Пиджачок узенький, какого-то невиданного покроя, от Версачи, не меньше. Цена ему... Мужик и глаза закатил.

— Так что, любезный?

— Завернуть прикажете? — наливаясь малиной, выдохнул охранник.

— Сделай милость, — весело кивнул Александр Сергеевич, повернулся и, поигрывая тросточкой, пошел к выходу.

Кассирша чуть глаза не выронила. А охранник поспешно завернул три бутылки хорошего, не нам с тобой, шампанского и понес мимо кассы на выход.

— Леша! — просипела кассирша — Это же...

— Знаю, — отрезал охранник.

Через минуту он вернулся с пустыми руками в некоторой задумчивости, сказал сухо кассирше:

— Надо хозяину доложить.

— Чего докладывать-то? Спишем, да и все.

— Дура! Он хозяину кланяться приказал. Скажет при встрече, а хозяин и не в курсах. Вылететь захотела?

— Типун тебе!

— Вы покупать чего будете или как? — охранник сердито обратился ко мне, видя, что я стою, рот разиня, возле дорогих коньяков.

— А как же, — бодро ответил я хаму, — вот только денег поднакоплю.

И пошел себе к выходу.

Охранник оставил мои слова без внимания.

— Звони, — сказал он кассирше.

Кассирша набрала номер. Я вышел. Пушкина, конечно, и след простыл. Дел у меня никаких на этот вечер не было, и я пошел гулять на набережную. Июль, теплынь, на-

род весь за городом. Плывут навстречу редкие воскресные парочки. Прошаркал мужик в трусах и шлепках, должно быть таксист. Добрел я до Губернаторского сада, заворачиваю к беседке, глядь, ан вот он. Стоит, на чугунную ограду оперевшись, созерцает. Котелок в руке. Баки черные, как смоль, вьются. На некотором отдалении на проезжей части приткнулся недешевенький «форд», дожидается. Мимо по Волге идет баржа, довольно ржавая, но идет не спеша, даже, я бы сказал, величественно. Подхожу ближе, но приостанавливаюсь у парапета, робею.

— Хорошо идет, — весело сообщает Александр Сергеевич, заметив меня.

— Ага, — соглашаюсь, — должно быть, с Астрахани порожняк гонят.

— Вы местный?

— Тутошний, Александр Сергеевич.

Пушкин усмехнулся, подмигнул.

— Преподаете?

— Учительствую.

— Я так и понял.

— А вы, наверно, актер? В фильме снимаетесь? У нас тут часто снимают.

Пушкин выпрямился, надел цилиндр.

— Нет, я сам по себе господин. Пользуюсь некоторым сходством...

— Понятно, — вздохнул я.

— Это вам понятно, — белозубо засмеялся Пушкин. — Эти идиоты меня за Киркорова принимают. Прикиньте!

— Я не поклонник.

— Да и я тоже.

Постояли, поговорили и разошлись. Он направился к «форду», а я вдоль по набережной. Нет, слушаю, окликает, машет из раскрытого окна. Подхожу.

— Не откажите, любезный, так сказать, за знакомство.

И протягивает мне одну из бутылок того самого шампанского. Сунул и укатил. Такие дела. Да, встреча памятная, как же. Пушкин!

ЛЕХА

Поздним вечером, часу в одиннадцатом уже, возвращаюсь из библиотеки — откуда же еще можно возвращаться в такое время, как не из библиотеки? Морозец легкий меня пробирает, снежок пускается, искрит под фонарями. На пересечении Вольной и Салтыкова-Щедрина, как раз в полумраке кто-то меня догоняет торопливой походной. Проходит уже мимо и оборачивается. Белый шарф на шее, на голове вязаная белая шапочка, а лица нет — темный провал. Мать честная! Не знаю, что и думать. Смотрю, открыв рот. И тут в этом темном отсутствии лица вспыхивает ослепительная белозубая улыбка. Негр! Вот так штука! Ночью, зимой, в Ярославле! А негр приостанавливается и говорит на чистом русском:

— Что? Не ожидал?

А я, придя в себя, вида не подаю.

— Эка невидаль, — говорю, — тут у нас кто только не ходит. И китайцы, и марокканцы, раз даже якута видел. А то вот соседи у меня как-то на Новый год ребенкам Деда Мороза заказали. И что ты думаешь? Приезжает азербайджанец, низенький, черный, кривоногий, и «гаварит» с акцентом, очень нечисто. Родители в панике, а дети ничего, нормально, заставили его танец маленьких лебедей танцевать.

Негр заржал. Однако и зубы же у него! Как у моей собаки. Дантист бы увидел и застрелился.

— Дети вообще, — говорю, — легко приспосабливаются, продвинутое и практичнее взрослых. В сорок третьей школе, уж не знаю, анекдот или правда, девятиклассники подарили на юбилей своей престарелой учительнице сертификат на похоронные услуги. Очень недешевый, кстати. Как тебе?! Нет, если без жеманства? По-моему, очень практично.

Постояли под фонарем, поговорили о том о сем. Нормальный парень, наш, русский, Лехой зовут. Учится в колледже на повара. Познакомился с девушкой, стали встречаться, а у нее папа нацик, как узнал, что дочка с ниггером встречается — на дыбы, поймаю, говорит, убью обоих! А у них уж дело чуть не до свадьбы дошло. Ну что делать? Так и расстались.

— Апартеид! — говорю я, — надо бороться за права русских негров.

— Да хрен с ним, — отвечает Леха, — так-то он мужик нормальный, укропов ездил мочить. Я не в обиде. Что поделаешь, раз ниггер, блин!

Невысокого ростика такой, крепенький, сутуловатый. Одет прилично. Все его многочисленные родичи белые, и братья белые, и сестры. Один он черный. Как соберутся на какой праздник или юбилей, достают с подначками.

— Вот мы все белые, — говорит дядя Лева, хватив стакана полтора водочки, — один ты не в масть. И где тебя мамка зацепила, никуда-то не выезжавши из родного поселка? Загадка человечества.

— Влияние Запада, — вставляет сестра Надя.

— По Интернету заразилась, — добавляет племянник Никита.

— Не слушай их, — вступается тетя Ира, — хоть черный, хоть какой, а ты все равно наш, и мы от тебя не отказываемся.

— Ну, давай, — берется дядя Леонид за стакан, — за свободу Африки! — и, подмигнув Лехе, добавляет: — Ниггер.

И все они ржут, как резаные.

— Тяжкая доля, — говорю я сочувственно.

— Ни фига! — возражает Леха. — Тут есть и свои плюсы.

Он отодвигается на кромку тротуара, пропуская двух бегущих курсантов ракетного училища, безнадежно опоздавших из увольнения, поправляет шарф, говорит, посмеиваясь:

— На карнавал наряжаться не надо, надел джинсы и вперед. Типа я — негр.

Я хмыкаю.

— А то раз с девушкой познакомился, сказал, что я из Зимбабве и что мой папа — магнат, очень богатый человек.

— И как?

— Ожерелье подарил из архангельского жемчуга, сказал — из Африки, недешевое.

— На чем прокололся?

— Да на ерунде! Расческу выхватил из кармана неловко, а с ней пропуск в общагу. Шлепнулась моя корочка на пол, я и глазом моргнуть не успел, как она ее подняла и развернула. Ну а там, понятно — Зуев Алексей Иванович. Вот тебе и сын зимбаб... баб... хрен выговоришь магната этого, блин!

Леха глянул на часы и протянул руку:

— Ладно, братан, давай, а то время позднее, да и подмерзать я начал.

— Давай!

Мы пожали руки, и он быстро, не оборачиваясь, пошел вверх по улице. Но отойдя метров пятьдесят, все же обернулся, весело крикнул:

— Будешь в Африке, заходи! — и полетел дальше, замаячил в сумерках белой шапочкой и белым шарфом. Ниггер, блин!